

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЖИМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ, ИЛИ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ТРАНЗИТОЛОГИИ

И.В. Чайко

Московский экономико-финансовый институт

Аннотация: *В статье речь пойдет о необходимости ревизии основных теоретико-методологических подходов, используемых в науке для исследования политических режимов. Ведущее место среди них занимают структурализм и теория модернизации, синтез которых стал основой транзитологических теорий, разработанных в 70-90-ых гг. XX в. Другая парадигма, получившая широкое распространение в современной политологии - неоинституционализм и теория рационального выбора, акцентирующие внимание на стратегиях политических акторов. Альтернативой этим подходам выступают сегодня неовеберизм и неопатримониализм, позволяющие интерпретировать режимные трансформации с позиций «жизненного мира» человека и группового исторического опыта. Критический анализ указанных подходов, выяснение их научных потенций и возможностей применения и являются главным предметом данного исследования.*

Ключевые слова: *демократия, политический режим, транзитология, патримониализм, трансформация.*

1. Эвристические возможности современной транзитологии

По мнению специалистов, главной проблемой изучения режимных трансформаций в современном мире является отсутствие общепризнанной научной теории, способной сформулировать базовые понятия и принципы такого исследования. С 60-х гг. XX в. на эту роль претендовала общая теория демократизации, основные положения которой были обоснованы в произведениях Р. Даля, С. Хантингтона, Д. Растоу, Ф. Шмиттера, А. Пшеворского, Х. Линца и других авторов. В рамках либеральных воззрений, мировое политическое развитие трактовалось как единый, глобальный процесс перехода разных стран к тем формам социальной и политической организации, которые возникли на Западе в эпоху Нового времени и совершенствовались на протяжении XIX-XX веков.

В области политической философии эти взгляды наиболее полно изложил К. Поппер в своей знаменитой книге «Открытое общество и его враги». Демократию он рассматривал как средство построения такого «открытого» (конкурентного, либерального) общества, являющегося антитезой «закрытым» тоталитарным системам [См.: Поппер 1992].

Эти идеи нашли отражение в классификациях политических режимов, разработанных в западной политологии во второй половине XX в. Примером может служить типология Р. Даля, использовавшего для ее построения два базовых критерия, отражающих уровни политической конкуренции и участия. На этой основе он выделяет четыре группы политических режимов: закрытые гегемонии, открытые гегемонии, конкурентные олигархии и полиархии [См.: Даль 2010: 13-14]. Соответственно, политическое развитие (прогресс) трактуется им как движение от «закрытых» гегемонистских систем к состоянию полиархии (т. е. современной демократии) посредством создания условий, обеспечивающих возможности равной конкуренции элит и политического участия масс. Данный процесс предполагает последовательное прохождение ряда взаимосвязанных этапов, в качестве которых обычно выделяют: разложение авторитарной системы, ее либерализацию, демократизацию общества и его консолидацию на этой основе и, наконец, становление устойчивой институциональной демократии. Особое внимание при этом уделялось решению задач демократической консолидации путем создания широких коалиций и заключения своеобразных «пактов» между ведущими политическими силами, обязывающих соблюдать установленные правила соперничества [См.: Linz, Stepan 1996].

Однако действительные итоги «третьей волны» демократизации существенно отличались от этих моделей. В ряде государств, столкнувшихся, в ходе преобразований, с серьезными экономическими и другими трудностями, демократический импульс быстро угас. Фактом политической реальности стало утверждение здесь своеобразных форм организации власти, в различной степени сочетающих черты авторитаризма, олигархии или демократии. Это заставило исследователей внести определенные коррективы в разработанные схемы транзита и обратиться к исследованию т.н. «переходных» политических режимов, которые характеризовались ими как «неконсолидированные», или «гибридные». В дальнейшем, были предложены и другие их определения, такие как «делегативная», «дефектная», «имитационная», «неконкурентная», «управляемая» демократия и т. д. [См., например: Моммзен 2010]

Кардинальное изменение, во второй половине 90-х годов, вектора политического развития в ряде постсоветских государств (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Азербайджан), существенно повлияло на содержание этой дискуссии. Сегодня эксперты спорят не о перспективах демократизации этих стран, а о том, какой именно тип авторитаризма здесь утвердился - «электоральный», «конкурентный», «ресурсный», «бюрократический», «бонапартистский» и т. д. [См.: Лапина 2009]. Типология новых автократий рассматривается отдельными авторами в качестве едва ли не главной задачи современной транзитологии [См.: Мельвиль 2004]. Однако ее решение никак не связывается с созданием фундаментальной научной теории, способной объяснить причины и механизмы происходящих изменений. Как следствие, изучение режимов сводится к попыткам уложить все их разнообразие в привычную линейную схему: от максимальной концентрации господства («доминирующая власть», по Каротерсу,) до состояния «бесформенного плюрализма» [Carothers 2002].

Основу подобных классификаций обычно составляют разработанные теми или иными исследовательскими организациями «рейтинги демократии», позволяющие ранжировать все наблюдаемые страны и объединять их в несколько несхожих между собой групп. Так, например, в рамках программы «Свобода в мире» американской неправительственной организации Freedom House все страны делятся на три группы: свободные, частично свободные и несвободные. В рамках программы «Переходные общества» той же организации посткоммунистические государства объединены в пять групп: консолидированные демократии, полуконсолидированные демократии, страны с переходными правительствами или гибридными режимами, полуконсолидированные авторитарные режимы, консолидированные авторитарные режимы. Широкой известностью пользуются также рейтинги и классификации ряда других зарубежных организаций, в частности, индекс глобализации журнала Foreign Policy, индекс транс-

формации Фонда Бертельсмана (ВТИ), исследования в рамках проекта Polity IV (ведутся под руководством М. Маршалла при Университете Мериленда, США) и пр. Несмотря на всю свою популярность, такие исследования лишь фиксируют определенные тренды в развитии отдельных стран и регионов, однако их объяснительный научный потенциал остается ограниченным.

Примеры подобных исследований имеются и в отечественной политической науке. Так, авторы проекта «Анализ режимных изменений в современном мире...» (А.Ю. Мельвиль, А.В. Загорский, М.Г. Миронюк, Д.К. Стукал и др.) вывели собственный «интегральный индекс демократии», взяв за основу параметры, общие для рейтингов Polity IV и Freedom House и дополнив их рядом других показателей [См.: Мельвиль, Стукал 2011]. Опора на эту «оригинальную» методику позволила выделить шесть кластеров посткоммунистических государств, развитие которых характеризуется наличием разных тенденций – от «демократической консолидации» (Польша, Чехия, Эстония и др. – всего 11 государств) до «консолидированной автократии» (Узбекистан и Туркменистан). Россия, по результатам исследования, отнесена к странам с «проблемными траекториями», к которым относятся также Армения и Киргизия [См.: Мельвиль, Стукал, Миронюк 2012] (что существенно повышает наши успехи в построении демократии – в отличие от оценок Freedom House и других исследовательских центров). К сожалению, констатация данного факта никак не способствует осмыслению общих для названных стран проблем, а также механизмов и перспектив их дальнейшего политического развития. Более того: «казусы» России, Белоруссии и Казахстана, а также Монголии и Молдовы авторы проекта вынуждены отнести к числу «аномальных», поскольку они полностью опровергают взятую за основу гипотезу о приоритете структурных (социально-экономических) факторов демократизации над процедурными (субъективными, «актор-ориентированными»).

В целом, обзор имеющихся прецедентов подводит к выводу о существенной ограниченности подобного анализа, «*транзитологического по предмету и сравнительного по методу*» (определение и курсив А.Ю. Мельвиля [Мельвиль 2004: 69]). В данном контексте, гораздо более убедительной представляется точка зрения тех авторов (Капустин Б.Г., Карозерс Т.), которые еще в начале 2000-х годов объявили о «кончине» парадигмы транзита и призвали политологическое сообщество прекратить «транзитологическое насилие над сознанием» [Капустин 2001].

2. Теория «рационального» выбора как средство упрощения политической реальности

Несостоятельность транзитологических концепций в их попытках объяснить структурные условия «перехода» имела следствием рост научного интереса к «процессуальным» моделям трансформаций, акцентирующим внимание на действиях политических акторов. В качестве ведущего аналитического средства, в этой связи, стала использоваться теория рационального выбора, разработанная в США в середине XX века и применявшаяся, первоначально, для изучения поведения ключевых «игроков» на мировом рынке [См.: Downs 1957]. Действия таких акторов предполагались исключительно рациональными, эгоистическими, направленными на максимизацию личной выгоды. Однако вскоре выяснилось, что использование таких стратегий может обернуться значительными издержками для сторон, не соглашающихся на взаимные уступки. Соответственно, суть методологии сводилась к тому, чтобы подвести акторов к выбору «совместно предпочтительных» стратегий, предполагающих достижение некоего компромисса, в результате которого в выигрыше остается каждый из участников.

В 60-х гг. XX в. теорию рационального выбора стали активно использовать в сравнительной политологии для обоснования путей демократизации политических режимов в стра-

нах «третьего» мира. При этом главное внимание обращалось на использование потенциала модернизаторских элит как основных акторов, лично заинтересованных в становлении свободного рынка и обеспечивающих его правовые и политические институты. В рамках такого подхода, механизмы режимных трансформаций стали объяснять не в терминах теории полиархии Р. Даля, с ее акцентом на механизмы массового политического участия, а с позиций элитологических теорий, преимущественно элитистской теории демократии Й. Шумпетера [Шумпетер 1995]. В то же время, роль масс низводилась до уровня специфических ресурсов, используемых элитами в собственных целях.

Политический режим, с этих позиций, рассматривается как определенная модель межэлитных отношений, обеспечивающая баланс (положительный «эквилибриум») интересов основных участников. Соответственно, трансформация режима есть ни что иное, как нарушение этого внутреннего баланса, которое, рано или поздно, приведет «к замене одного равновесия другим» [Гельман 2007].

Исследование режимных трансформаций в рамках данной методологии сводится к анализу крайне ограниченного числа факторов, характеризующих структуру и динамику межэлитных конфликтов. Основными вопросами такого анализа являются: 1) состав акторов («конstellация» элит); 2) объем контролируемых ими ресурсов; 3) институциональный дизайн (формальные и неформальные практики); 4) доступные участникам стратегии; 5) «цена» стратегий, т.е. выгода/издержки, получаемые в результате их использования [там же].

Никакие другие факторы, способные повлиять на характер и направленность режимных трансформаций (экономические, психологические, социокультурные и т. д.), сторонниками теории рационального выбора не рассматриваются, поскольку взаимосвязь между ними и изменениями режима, как отмечалось выше, не поддается точному измерению.

Эти недостатки теории рационального выбора, существенно ограничивающие область исследования и способные повлиять на объективность его результатов, вызвали серьезную критику со стороны оппонентов. Так, например, крупнейший представитель американской политической науки, Г. Алмонд указывал, «прогнозы и допущения рационального выбора вводят нас в заблуждение» [Almond 1990: 134].

Однако, несмотря на обоснованную критику, теория рационального выбора и разработанные на ее основе неинституциональные методологии и сегодня остаются едва ли не главными средствами объяснения режимных трансформаций. Примерами их использования могут служить концепции «навязанного консенсуса» (К. Рогов) и «межэлитных расколов» (В. Гельман), модель «пяти развилок демократизации» (Н. Розов), и другие теоретические конструкты. К использованию неинституциональных технологий, ввиду их простоты и доступности, нередко обращаются также авторы, работающие в рамках иных научных парадигм (Г. Хейл, А. Фисун и др.) При этом стратегии противоборствующих акторов и возможные исходы их соперничества описываются ими практически одинаковым образом. В качестве иллюстрации можно привести сравнение моделей режимных трансформаций, предложенных некоторыми из названных исследователей (Табл. 1):

Таб. 1.

Стратегии элит и соответствующие им сценарии режимных трансформаций

Стратегии политических элит в концепциях разных авторов:			Соответствующие этим стратегиям изменения режимов:
В. Гельман	Н. Розов	А. Фисун	
«Победитель получает все»	«Узурпаторская»	«Доминирование или гегемония»	Авторитарная ситуация
«Картельные соглашения»	«Коалиционно-авторитарная»	«Картель»	Гибридный режим
«Борьба по правилам»	«Конституционалистская»	«Пакт»	Демократическая ситуация

Критическое изучение подобных построений неизбежно приводит к выводам о том, что теория рационального выбора в целом неприемлема для изучения режимных трансформаций, поскольку разработанные на ее основе модели не превносят ничего нового в решение этих задач и не выходят за рамки конфликтологических схем, давно и детально описанных в учебной литературе.

Вместе с тем, данные модели имеют некоторые особенности, связанные, прежде всего, с необходимостью учитывать значительную степень неопределенности как одного из условий протекания конфликтов. Влияние данного фактора вынуждает исследователей более осторожно подходить к оценке конечных результатов политических изменений и трактовать их скорее как тенденцию, имеющую относительный, вероятностный характер. В конечном счете, такая логика привела сторонников неоинституционализма к отрицанию линейной схемы политического развития и заставила интерпретировать его как совокупность альтернатив, реализация которых может способствовать как движению вперед, к демократии, так и откату назад, к различным формам авторитарного правления.

Опыт «цветных революций» в ряде постсоветских государств в 2000-х гг., а также итоги «арабской весны» 2011 г. способствовали дальнейшей эволюции этих представлений. Усиление, в ряде «переходных» стран, авторитарных тенденций, попытки утверждения здесь новых автократий заставили исследователей интерпретировать режимные трансформации скорее как циклический процесс, не имеющий какой-либо заранее определенной цели. Одним из первых эти особенности эволюции современных политических режимов описал в своих работах М. Макфол, опираясь на результаты исследования «цветных революций» в Грузии, Украине и Сербии.

Однако наиболее полно циклическая динамика режимов изложена в работах Г. Хейла, разработавшего оригинальную концепцию «патронажного президентства» («patronal presidentialism») [См.: Хейл 2008]. Согласно Хейлу, условия для развития политической конкуренции в странах с подобной институциональной системой возникают лишь в связи с необходимостью смены главы государства. Президент, уходящий в отставку, уже не может сдерживать развитие внутриэлитных конфликтов, вследствие чего резко возрастает уровень партийного и политического плюрализма. Внешне это может напоминать начало процесса демократизации, особенно если противоборствующие элиты производят массовую мобилизацию своих сторонников. Однако, как только одна из сторон добивается явного преимущества, происходит быстрая консолидация элит вокруг кандидатуры нового президента, что создает условия для усиления неавторитарных тенденций. Таким образом, политическое развитие стран с патронажным президентством больше напоминает движение по кругу: от полусостязательного авторитаризма - к большей демократии и далее, через «цветные революции», к новым формам авторитарного правления [См.: Hale 2005].

Выяснение циклической природы режимных трансформаций заставляет исследователей скептически оценивать перспективы демократического развития полуавторитарных государств. Да и само понятие демократии трактуется сторонниками такого подхода исключительно в духе «минималистских» концепций - то есть лишь как «случайный итог», «побочный продукт», «незапланированное следствие» конкуренции элит. Любые иные определения демократии – как системы ценностей, результата исторического прогресса или нравственного выбора народов полностью отвергаются, поскольку, по мнению этих авторов, они «наивны, фаталистичны и идеологичны» [Розов 2008: 155].

Это, однако, не мешает им разрабатывать многочисленные прогнозы политического развития, предусматривающие, как правило, три основных сценария: «пессимистический», «оптимистический» и «нейтральный». Образцом подобной политической астрологии могут служить, в частности, рассуждения В. Гельмана, согласно которому, существующий в России режим «может смениться как непоследовательной «ползучей» демократизацией под давлением оппозиции, так и эволюцией в сторону «классического» авторитаризма по инициати-

ве режима, а возможно, и сохранит свою прежнюю суть в новом обличье» [Гельман 2012: 112].

3. Неопатримониальная альтернатива институционализму

Неадекватность господствующих в политологии парадигм реалиям общественной жизни побуждает исследователей к поиску альтернативных средств анализа. Одним из путей решения этих проблем является обращение к социологической теории М. Вебера и последующим достижениям неовеберовской политической социологии.

Растущий интерес к веберовскому научному наследию обусловлен целым рядом причин. С одной стороны, разработанная им теория рациональности отражает основные положения эволюционных концепций, объясняющих мировое политическое развитие в рамках парадигмы прогресса. С другой стороны, веберовский подход базируется на изучении всей совокупности культурно-исторических, социально-экономических и других факторов, без понимания которых едва ли возможно объяснить специфику развития отдельных стран. Принципиальное значение имеет также присущий теории М. Вебера психологизм, заставляющий рассматривать психическую действительность как основу любых социальных и политических процессов. Люди, в социологии Вебера, существа не столько рациональные, сколько эмоциональные; соответственно, их поведение может существенно отличаться от любых рациональных схем. Отсюда объективно вытекает возможность возникновения разнообразных моделей политических взаимодействий и форм политической организации, сочетающих черты трех выведенных Вебером «идеальных» типов господства – традиционного, харизматического и рационально-легального [См.: Вебер 1990].

Установление определенного государственного порядка («режима»), с этой точки зрения, не сводится к поиску неких точек «эквиполюса» во взаимодействиях элит или к достижению «вынужденного консенсуса», поддерживать который, согласно Б. Франклину, договорились между собой «хорошо вооруженные джентльмены» [Цит. по: Розов 2009: 287]. Напротив, такой порядок предполагает наличие внутренних мотивов повиновения, которые, в каждом конкретном случае, могут быть разными. Выяснение этих оснований легитимного господства и выступает, по сути, главной задачей исследователей, разделяющих установки неовеберовской школы.

Предложенная Максом Вебером типология господства давно уже получила научное признание. Однако внимание ученых обычно сосредоточено на характеристике рационального и харизматического типов легитимности, в то время как содержание традиционного господства, и особенно такой его формы, как патримониализм, нередко ускользает из их поля зрения. Вместе с тем, именно веберовская концепция патримониализма способна дать ключ для изучения тех форм организации власти, которые возникают сегодня на постсоветском пространстве, да и в ряде других регионов планеты.

Основные положения данной концепции были изложены Максом Вебером в первой части его фундаментального труда «Хозяйство и общество», окончательно отредактированной только в последние годы жизни ученого (1919–1920) [См.: Weber 1976]. Под термином «патримониализм» (*от лат. «patrimonium» - наследственное, родовое имущество*) Вебер понимал одну из форм традиционного господства, прежде всего экономического, возникающую на основе предоставления слугам определенных прав по распоряжению имуществом хозяина. Неизбежным следствием этого является стремление управленческого аппарата к апроприации (частному присвоению) своих должностей и получению связанных с ними бенефиций. Однако, такой характер отношений ставит патримониальных чиновников в полную зависимость от расположения господина, который расширяет меру своего произвола за счет «сужения сферы, контролируемой патриархально-геронтократической традицией» [Вебер 2007: 156].

Вебер первым обратил внимание на политическое содержание патримониализма, которое он связывает с наличием у господина военных и судебных полномочий. Вместе с тем, он подчеркивает, что патримониальное господство вполне традиционно, поскольку осуществляется на основании собственного права. «Там же, где патримониальное господство основывается на свободном от традиционных ограничений произволе, оно становится султанистским» [там же].

Таким образом, помимо традиционного, «чистого» патримониализма, Вебер выделяет еще одну его разновидность – султанизм, подразумевая под этим термином крайнюю, наиболее деспотическую и централизованную форму личной власти. Вебер подчеркивает, что султанистская форма господства может выглядеть, как совершенно не ограниченная традицией, однако от этого ее содержание не становится более рациональным.

Кроме того, Вебер выводит еще одну, децентрализованную форму традиционного господства – сословно-патримониальную, возникающую на основе договора между господином и представителями его управленческого аппарата, формируемого из числа «экстрапатримониально набранных» чиновников [там же: 161]. Именно сословная организация власти, по мысли Вебера, является главной предпосылкой формирования современной рациональной бюрократии. Вместе с тем, он не делает четких различий между патримониальным и современным чиновничеством, подчеркивая, что его истоки нынешней бюрократии могут быть найдены повсюду в довольно «несложных формах патримониальной администрации» [Weber 1976: 638].

Вывод Вебера о том, что патримониальные структуры могут существовать в любом обществе, на любом этапе его развития, имел чрезвычайно важные последствия. Опираясь на это положение, некоторые исследователи предложили дополнить разработанную Вебером типологию господства понятием «современного патримониализма», или «неопатримониализма». В 60-70-х гг. XX в. в трудах целого ряда ученых, таких как Г. Рот, Ш. Эйзенштадт, Г. Хигер, Ж.Ф. Медар, К. Клэпхэм, М. Браттон и Н. ван де Валле, Р. Теобальд и др. была обоснована комплексная теория неопатримониализма, важнейшие положения которой вполне применимы для исследования режимных трансформаций в посткоммунистических странах [См.: Фисун 2010]. Согласно Ш. Эйзенштадту, возникающие в мире «полуавторитарные» режимы отнюдь не являются некими «переходными», или «промежуточными», а выступают, напротив, конечным результатом трансформационного процесса. В качестве специфических особенностей этих режимов Эйзенштадт отмечает характерную для них тенденцию к усилению исполнительной власти, особенно бюрократических или военных структур, а также сосредоточение экономической политики вокруг доступа «к ресурсам, властным позициям и должностям» [См.: Эйзенштадт 1999: 327-339]. Многие исследователи подчеркивают большое значение патрон-клиентских отношений, которые в странах с неопатримониальными режимами пронизывают весь управленческий аппарат. Такие неофициальные структуры могут обладать значительной властью и полномочиями, вследствие чего они нередко используются режимом для поддержания политического порядка.

В начале 90-х гг. XX в. отдельные авторы – К. Джоуитт, Ю. Гартман, С. Хэнсон и др. – стали использовать неопатримониальный подход для исследования политических режимов постсоветских стран. Наиболее далеко, на наш взгляд, продвинулся в этом направлении С. Хэнсон, который в своих работах попытался воссоздать развернутую картину веберовской теории эволюции режимов [См.: Hanson 2010]. Причины политических трансформаций Хэнсон видит в том, что несмотря на изменение внешних условий, оправдавшие себя на практике формы господства могут устойчиво воспроизводиться, в своих основных чертах, на обширных территориях, порождая все новые разновидности режимов, близких между собой гомологически [См. обо этом: Патцельт 2012: 64-67]. Такую преемственность обеспечивает, прежде всего, процесс социализации, благодаря которой сложившиеся представления о принципах функционирования власти сохраняются, несмотря на смену поколений. Если со-

циализация протекает неэффективно - социальная база режима сокращается, но не исчезает совсем, поскольку многие представители старших поколений продолжают его поддерживать. Соответственно, всегда остаются возможности для полной или частичной реставрации прежних порядков, особенно в случаях резкого ухудшения условий жизни общества.

В итоге, С. Хэнсон (подобно М. Макфолу, Г. Хейлу и ряду других авторов) склонен интерпретировать режимные трансформации как циклические процессы, не сводимые к какой-либо транзитологической схеме. Оспаривая выдвинутый Ф. Фукуямой тезис о «конце истории», Хэнсон, в частности, отмечает, что возникновение одних типов режимов и исчезновение других отражает не глобальные закономерности, а локальные особенности развития, вследствие чего данные процессы не следует характеризовать в терминах «прогресса» или «упадка» цивилизации [Хэнсон 2011: 117-118].

Однако наиболее полно неопатримониальный подход представлен сегодня в творчестве украинского исследователя А.А. Фисуна, который не без успеха использует его для изучения логики «цветных революций» в Украине и других посткоммунистических странах. Большое научное значение имеют также выполненные этим ученым переводы на русский язык отдельных сочинений М. Вебера и ряда известных представителей неовеберовской школы [См., например: Теобальд 2007].

Именно А.А. Фисун впервые было сформулировано положение о том, что исследование эволюции режимов в рамках дихотомии «демократии и неопатримониализма» может оказаться гораздо более продуктивным, чем использование привычной, но во многом исчерпавшей себя оппозиции: «демократия – авторитаризм» [См.: Фисун 2010: 159]. Вместе с тем, необходимо учитывать, что в своем анализе постсоветских режимов А. Фисун использует синкретическую методологию, допускающую элементы неоинституционализма, что делает его концепцию во многом схожей с теорией «патронажного президентства» Г. Хейла и другими подобными моделями.

Вслед за Г. Хейлом, ведущее место в функционировании неопатримониальных режимов А. Фисун отводит институту президентской власти, вокруг которого выстраивается сложная система клиентарно-патронажных связей и отношений. Главными участниками этих отношений выступают представители высшей госбюрократии и рентоориентированные (rent-seeking) предприниматели (крупнейшие собственники), представляющие интересы стоящих за ними олигархических групп и ведущие постоянную борьбу за расширение сфер своего влияния. Предотвратить перевод этих конфликтов в публичное русло способен только президент, контролирующий силовые структуры и выступающий в роли верховного арбитра при разрешении межэлитных споров. В результате, возникает определенное динамическое равновесие во взаимоотношениях всех политических акторов, что, по сути, и означает консолидацию режима.

Вместе с тем, неопатримониальные режимы могут существенно отличаться друг от друга, поскольку объем доступных каждому из акторов ресурсов может быть разным. Это позволяет А. Фисуну выделить три основных типа неопатримониальных режимов 1) «бюрократический» (бизнес и политика контролируются чиновничеством); 2) «олигархический» (власть и собственность находятся в руках корпоративно-олигархических групп); 3) «султанский» (контроль сохраняется в руках президента, выступающего в роли независимого автократа) [там же: 172].

Стабильность таких режимов зависит, прежде всего, от способности всех акторов удерживать завоеванные позиции. Проблема заключается в том, что в условиях современной рыночной мирозаставы государству (тем более «недоразвитому») все труднее обеспечивать контроль за экономикой. Как следствие, частные корпорации становятся достаточно автономными, что позволяет им усиливать давление на правительство и ставить вопрос «о частичном изменении правил игры и снижении роли главы государства как основного вето-игрока» [там же: 184]. Политическим выражением этой стратегии становится усиление поли-

тических партий, парламента, требования ограничить полномочия главы государства. В случае сопротивления госбюрократии либеральные элиты могут прибегнуть к мобилизации масс и организации различных акций гражданского неповиновения. «Цветные революции» в посткоммунистических странах, по мнению А. Фисуна, есть ни что иное, как результат реализации этой стратегии части элит, действующих в рамках неопатримониального режима и имеющих целью его частичную политическую и экономическую рационализацию.

Однако, такая стратегия не всегда приводит к успеху. Ответные действия государственной бюрократии могут быть достаточно эффективными, чтобы обеспечить полное восстановление ее позиций в сфере политического и экономического управления. В этом случае, происходит «силовая рационализация» режима, сопровождающаяся прямой ликвидацией либо значительным ослаблением всех независимых игроков, а также парламента, партий, общественных организаций и т.д. Такие циклы режимных трансформаций могут периодически повторяться, что дает основания А.А. Фисуну ставить под сомнение саму возможность перехода стран с неопатримониальными режимами к демократии и современным формам государственности [там же: 186-187].

Конечно, концепция А.А. Фисуна отражает, прежде всего, опыт политического развития Украины в 2000-х гг., и некритическое использование ее для анализа режимных трансформаций в других странах, без учета их специфических условий, едва ли возможно. Обращает на себя внимание и некоторая упрощенность предложенной схемы, не предполагающей анализа массовых настроений и движений «снизу» (т. е. трактовка «цветных революций» с позиций рассмотренных выше конфликтно-элитологических теорий).

Вместе с тем, знакомство с работами ученых, занимающихся исследованием неопатримониальных систем, дает нам веские основания согласиться с утверждением А. Фисуна о том, что «ключевые особенности политического развития и режимной динамики постсоветских государств могут быть осмыслены именно с позиций неопатримониализма» [там же: 160].

4. Случай России: возможность неопатримониальной интерпретации

К сожалению, в отечественной литературе исследования в рамках неопатримониального подхода встречаются крайне редко. Тем более пристального внимания заслуживают работы М.В. Масловского, труды М.Н. Афанасьева и некоторых других авторов, пытающихся найти те «внутренние оправдания» (по Веберу) русской власти, в силу которых она постоянно воспроизводится в своих наиболее традиционных чертах.

Первой попыткой такого анализа, без сомнений, стала книга М. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» (впервые вышла в свет в 1980 году на немецком языке). Читая это произведение, трудно не заметить общие черты тех моделей организации социума, которые М. Вебер именуется как «патримониальные», а М. Восленский – «феодально-монополистические». «Диктатура номенклатуры, – пишет Восленский, – это по социальной сущности феодальная реакция, а по методу – «азиатский способ производства». Если идентифицировать этот метод как социализм, то диктатура номенклатуры – феодальный социализм. Еще точнее, это государственно-монополистический феодализм» [Восленский 1991: 24].

Отличия советской номенклатуры от рационально-легального чиновничества стран Запада стали, в дальнейшем, предметом анализа многих исследователей. Одним из результатов осмысления этих проблем явилась концепция тоталитарной бюрократии Ю.Н. Давыдова, в работах которого впервые появляется сам термин «патримониальная бюрократия» [См.: Гайденко, Давыдов 1991: 176].

Такая нетривиальная трактовка советского строя породила, в середине 90-х гг., целую научную дискуссию относительно его природы, сущности и причин возникновения. Одной

из составляющих этой полемики стали работы М.В. Масловского, представляющие собой пример тщательного научного анализа веберовской концепции патримониализма и ее объяснительных возможностей.

Прежде всего, М. Масловский обращает внимание на отсутствие в науке единого мнения по поводу теоретического статуса термина «патримониализм»: одни авторы трактуют его в качестве самостоятельного «идеального типа», другие - применяют только по отношению к конкретным политическим режимам. Первая интерпретация позволяет некоторым исследователям (например, Р. Пайпсу) использовать определение «патримониальный» для характеристики не только советского строя, но и всего общественно-исторического уклада в России начиная, как минимум, с петровской эпохи. Во втором случае, возникает необходимость исследовать специфику российского коммунизма на разных этапах его существования. При этом одни авторы (В. Мервар) утверждают, что советский режим являлся патримониальным изначально, с момента возникновения, и оставался таковым вплоть до своего крушения; другие (Г. Джилл) склонны применять данное определение исключительно к периоду сталинизма [См.: Масловский 1997: 14-15]. К такой точке зрения склоняется и сам Масловский, по мнению которого, «сталинский режим соответствует веберовскому описанию патримониализма даже в некоторых мельчайших деталях» [Масловский 2000: 93-96]. Специфику послесталинского периода, по мнению автора, более точно выражает точка зрения П. Бергера, согласно которому, «позднему» социализму присущи, с одной стороны, «классовая стратификация, характерная для всех индустриальных обществ», а с другой – «организация политической системы в соответствии с патримониальным принципом» [Бергер 1994: 237].

Другим примером обращения к веберовской традиции являются работы М.Н. Афанасьева, рассматривающего властные отношения в России с позиций теории социального клиентелизма. В своей монографии «Клиентелизм и российская государственность» автор отмечает существенные особенности современного российского чиновничества, делающие его очень похожим на неопатримониальную бюрократию М. Вебера. Сложившуюся в России общественно-политическую систему М. Афанасьев характеризует как «постноменклатурный патронат», подчеркивая при этом, что такое определение указывает на патримониальный характер господства, при котором отношения межличностной зависимости и клиентарно организованные сети восполняют «дефицит государства» [Афанасьев 2000: 16-17]. Вместе с тем, учитывая особенности генезиса российской власти («не преодоление традиции, а распад номенклатуры»), М. Афанасьев предпочитает говорить не о патримониальных, но о «клиентарных» бюрократиях, то есть использовать термин «менее исторически нагруженный, акцентированный скорее социологически» [там же: 320-321].

Иную точку зрения излагает американский историк Ричард Пайпс, разработавший оригинальную концепцию эволюции русской государственности. По мнению ученого, патримониальный тип господства, сохранявшийся в нашей стране вплоть до реформ 1860-х годов, обнаруживается и в последующие исторические эпохи. В предисловии к русскому изданию своей книги «Россия при старом режиме» автор прямо указывает, что Россия принадлежит числу государств, которые обычно определяются как «"вотчинные" [patrimonial]»; в такого рода государствах «политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и властитель (властители) является одновременно и сувереном государства и его собственником» [Пайпс 1993: 4]. В статье «Влияние монголов на Русь...» Р. Пайпс вновь указывает на приверженность России самодержавной власти, выступающей «в самой крайней, патримониальной, форме» [Пайпс 2011].

Дискуссию о происхождении и природе русской власти продолжает концепция «Русской Системы», которую изложили в своих сочинениях Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов [См.: Пивоваров, Фурсов 1995b]. Подобно евразийцам 20-х годов (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и др.), истоки русской государственности они видят не в варягах или Византии, а в империи Чингисхана и Золотой Орде. Это историческое наследие определяет принципы функцио-

нирования русской власти, которые сводятся, в целом, к универсальной формуле, согласно которой, власть первична, в то время как «популяция» (народ), пространство (страна), церковь (мораль) – вторичны или даже «третичны» по отношению к ней.

В целом, власть, в концепции Ю. Пивоварова и А. Фурсова, выступает как некая самостоятельная, первичная субстанция, обладающая метафизическими и даже мистическими чертами. Эта беспредельная, всепроникающая Власть, по отношению к которой «вторичны и дух, и материя, и добро, и зло» [Пивоваров, Фурсов 1995а: 44] и составляет, по мнению авторов, ядро Русской Системы.

Необходимо отметить, что понятия «Русская Система», «Русская Власть» и другие подобные метафоры присутствуют, явно или косвенно, в сочинениях многих авторов – А.С. Ахиезера, В.П. Макаренко, Э.А. Паина и др., использующих культурно-исторический подход для объяснения проблем политического развития нашей страны. Широкое распространение этих терминов свидетельствует о наличии в отечественной науке актуальной потребности «обрести язык, с помощью которого можно разговаривать о методологических проблемах» [Пивоваров 2010: 73]. И напротив, несовершенство этого языка дает основания некоторым критикам (Гельман В.Я., Голосов В.Г.) утверждать, что концепции, разработанные на такой основе, «лежат по ту сторону научного знания» [Гельман 2001].

В то же время, неопатримониальная методология, базирующаяся на фундаментальной социологической теории М. Вебера, способна сегодня эффективно разрешать эти и другие «базовые эпистемологические проблемы» [Хэнсон 2011: 108], что превращает ее в эффективный инструмент для объяснения политической реальности.

Заключение

В целом, можно сделать выводы о том, что одной из актуальных задач отечественной политической науки является обновление концептуальных подходов, лежащих в основе исследования политических режимов и механизмов их трансформации. Изучение этих сложных проблем в рамках привычной «транзитологической» парадигмы, при опоре на неинституциональные методологии, нередко заводит исследователей в тупик и не позволяет дать ответы на многие принципиальные вопросы.

Действенной альтернативой неинституционализму является, на наш взгляд, политологический анализ, осуществляемый в широком культурно-историческом контексте и предполагающий осмысление политической реальности в терминах веберовской концепции патримониализма.

Акцент на изучение традиционалистских, патримониальных механизмов осуществления власти, столь характерных для нашей страны, вовсе не означает отрицание демократии как главной тенденции мирового политического развития. Напротив, именно проблемы демократизации, ярко обозначившиеся в ходе избирательного цикла 2011-2012 гг., побуждают автора обратиться к данным вопросам.

В заключение, хотелось бы привести слова К. Поппера, писавшего, что «наша цивилизация еще не полностью оправилась от шока, вызванного ее рождением - переходом от племенного или «закрытого общества» с его подчиненностью магическим силам к «открытому обществу», освобождающему критические способности человека» [Поппер 1992: 29]. Неопатримониальная интерпретация действительности, в таком контексте, выступает едва ли не единственной возможностью объяснить архаическую природу этих «магических» сил, препятствующих политической модернизации России и ряда других постсоветских стран, и найти способы для преодоления наметившихся консервативных тенденций.

- Афанасьев М.Н. 2000. *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений*. – М.: МОНФ.
- Бергер П. 1994. Капиталистическая революция. – М.
- Вебер М. 1990. Политика как призвание и профессия. / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова. – Вебер М. *Избранные произведения*. – М.: Прогресс. – С. 644-706.
- Вебер М. 2007. Традиционное господство. – *Прогнозис*. – № 2.
- Восленский М.С. 1991. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. – Советская Россия, МП Октябрь.
- Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. 1991. Проблема бюрократии у Макса Вебера. – *Вопросы философии*. – № 3.
- Гельман В. 2007. Из огня да в полымя? Динамика изменений постсоветских режимов в сравнительной перспективе. – *Полис*. – № 2. – С.81-108.
- Гельман В. 2012. Трещины в стене. – *Pro et Contra*. – № 1-2.
- Гельман В.Я. 2001. Постсоветские политические трансформации. Наброски к теории. – *Полис*. – № 1. – С. 15-29.
- Даль Р. 2010. *Полиархия: участие и оппозиция* / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. – М.: ГУ ВШЭ.
- Капустин Б.Г. 2001. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия. – *Полис*. – № 4. – С. 6-26.
- Лапина Н. 2009. Российский политический режим: оценки и интерпретации. – *Мировая экономика и международные отношения*. – № 6.
- Масловский М.В. 1997. *Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология*. – Ниж. Новгород.
- Масловский М.В. 2000. Анализ концепции тоталитарной бюрократии. – *Социологические исследования*. – № 4. – С. 93-96.
- Мельвиль А.Ю. 2004. О траекториях посткоммунистической трансформации. – *Полис*. – № 2. – С.64-75.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. 2011. Условия демократии и пределы демократизации. – *Полис*. – № 3. – С. 164-183.
- Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2012. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности. – *Полис*. – №2. – С. 8-30.
- Моммзен М. 2010. Российский политический режим: неосоветский авторитаризм и патронажное президентство. – *Неприкосновенный запас*. – № 6.
- Пайпс Р. 1993. *Россия при старом режиме*. – М.
- Пайпс Р. 2011. Влияние монголов на Русь: «за» и «против». Историографическое исследование. – *Неприкосновенный запас*. – №5.
- Патцельт В. 2012. Эволюция институтов, морфология и уроки истории. – *Политическая наука*. – № 3. – С. 64-67.
- Пивоваров Ю. 2010. Из выступления за круглым столом «Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов?» – *Политическая концептология*. – № 2.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. 1995а. Русская система. – *Рубежи*. – № 4.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. 1995b. Русская система. – *Рубежи*. – № 1-6.
- Поппер К. 1992. *Открытое общество и его враги* / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. В 2 т. – М.: Феникс.
- Розов Н. 2008. Может ли циничное политиканство привести к новой возможности демократизации? – *Прогнозис*. – № 2.
- Розов Н.С. 2009. Будущее российской политики: глубокая колея авторитаризма и трудные перевалы восхождения к демократии. – *Политическая концептология*. – № 3.
- Теобальд Р. 2007. Патримониализм / Пер. с англ. А. Фисуна. – *Прогнозис*. – № 2. – С. 166-176.

- Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. - *Политическая концептология*. – № 4. – С. 158-187.
- Хейл Г. 2008. Президентский режим, революция и демократия. - *Pro et Contra*. – №1. - С. 6-21.
- Хэнсон С. 2011. Эволюция постсоветских режимов. - *Pro et Contra*. – № 5.
- Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. - М.: Экономика.
- Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. - М. Аспект-пресс.
- Almond G.A. 1990. *A Discipline divided. Schools and sects in political science*. - L. etc..
- Carothers T. 2002. The End of the Transition Paradigm. - *Journal of Democracy*. - Vol. 13. - №1. - P. 5-21.
- Downs A. 1957. *An Economic Theory of Democracy*. - New York: Harper.
- Hale H. 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. - *World Politics*. - Volume 58. – № 1.
- Hanson St. E. 2010. *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia*. - Cambridge; N. Y.: Cambridge Univ. Press.
- Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. - Baltimore.
- Weber M. 1976. *Wirtschaft und Gesellschaft*. – Tubingen.